

Стивен Кинг

Мобильник

«Ид^[1] не означает задержку удовлетворения. Ид всегда чувствует напряжение нереализованного желания».

Зигмунд Фрейд.

«Человеческая агрессия инстинктивна. Люди не развили в себе ритуальную агрессию – запретных механизмов, обеспечивающих сохранение вида. По этой причине человек рассматривается, как крайне опасное животное».

Конрад Лоренц.^[2]

«Теперь вы меня слышите?»

«Веризон».

Цивилизация скатилось во вторую эпоху темных веков по, что не удивительно, кровавой дорожке, но со скоростью, какую не мог представить себе даже самый пессимистичный футуролог. Словно только и ждала этого момента. 1 октября Бог пребывал на небесах, индекс Доу-Джонса равнялся 10140 пунктам, большинство самолетов летело по расписанию (за исключением тех, что приземлялись и взлетали в Чикаго, но ничего другого от этого аэропорта и не ждали). Двумя неделями позже небо вновь принадлежало только птицам, а фондовая биржа стала воспоминанием. К Хэллоуину все крупные города, от Нью-Йорка до Москвы, смердели под пустынными небесами, и воспоминанием стал уже весь мир, каким был прежде.

Импульс

1

Событие, которое стало известно, как «Импульс», произошло первого октября, в три часа три минуты пополудни, если брать восточное поясное время.^[3] Термин, разумеется, неправильный, но через десять часов после события большинство ученых, которые могли бы на это указать или погибли, или сошли с ума. В любом случае, название едва ли имело хоть какое-то значение. В отличие от последствий.

В три часа пополудни того же дня молодой человек, еще не оставивший заметного следа в истории человечества, шагнул на восток, почти что вприпрыжку, по Бойлстон-стрит в Бостоне.^[4] Звали его Клайтон Ридделл. Чувство глубокой удовлетворенности, которое читалось на его лице, в полной мере гармонировало с пружинистостью походки. В левой руке держал ручки портфеля, в каких художники носят свои рисунки, с защелками, как у саквояжа. Пальцы правой руки обматывала тесемка, стягивающая горловину коричневого пластикового пакета для покупок. Слова на боковой стороне пакета: «маленькие сокровища», – мог прочитать любой, у кого возникало такое желание.

В пакете, который болтался взад-вперед, находился маленький круглый предмет. Подарок, как вы могли бы догадаться, и не ошиблись бы. Вы могли бы также предположить, что этот Клайтон Ридделл – молодой человек, который с помощью «маленького сокровища» намерен одержать маленькую (может, даже совсем и не маленькую) победу, и вновь попали бы в десятку. В пакете лежало довольно-таки дорогое стеклянное пресс-папье с белым пушистым одуванчиком по центру. Клайтон купил эту вещь по пути из дорогого отеля «Корли-сквер» в более скромный «Антантик-авеню инн», где остановился. Его напугала цена, девяносто долларов, указанная на ярлычке, приклеенном к основанию пресс-папье, а еще больше осознание, что он может позволить себе такую покупку.

Ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы протянуть продавщице кредитную карточку. Он сомневался, что решился бы на такое, если бы покупал пресс-папье себе; пробормотал бы что-нибудь насчет того,

что передумал, и выскочил бы из магазина. Но пресс-папье предназначалось Шейрон. Она любила такие безделушки, и он ей по-прежнему нравился: «Меня тянет к тебе, бэби», – сказала она ему за день до отъезда в Бостон. Учитывая всю грязь, которые они вылили друг на друга за последний год, эти слова тронули его сердце. И теперь он хотел тронуть ее, если оставалась такая возможность. Пресс-папье, конечно, вещица маленькая («маленькое сокровище»), но он не сомневался, что ей понравится нежный пух одуванчика в центре стеклянного шара, эдакий крошечный клочок тумана.

2

Звяканье колокольчиков привлекло внимание Клая к небольшому фургону, передвижному магазинчику, торгующему мороженым. Он припарковался напротив отеля «Четыре сезона» (еще более роскошного, чем «Копли-сквер»), рядом с Бостон Коммон[5], городским парком, которой занимал два или три квартала по этой стороне Бойлстон-стрит. Борт украшало написанное всеми цветами радуги над двумя пляшущими рожками с мороженым название компании: «МИСТЕР СОФТИ». Трое мальчишек столпились у окошка в ожидании сладкого, школьные ранцы лежали у ног. За ними стояла женщина в брючном костюме с пуделем на поводке и две девочки-подростка в джинсах с низкой талией, с «Ай-подами»[6] и наушниками, которые в тот момент висели на шее, потому что девочки шептались между собой о чем-то серьезном, без хихиканья.

Клай встал за ними, превратив маленькую группу в короткую очередь. Он купил подарок жене, с которой еще не развелся, но уже жил врозь, по пути домой намеревался заглянуть в «Комикс суприм» и приобрести сыну новый номер «Человека-паука». А значит, мог побаловать и себя. Его распирало от желания поделиться новостями с Шарон, но он не мог связаться с ней до ее возвращения домой, в три сорок пять или чуть позже. Он полагал, что ему придется болтаться в гостинице, как минимум, до телефонного разговора с Шарон, в основном, кружа по номеру да поглядывая на защелкнутый портфель. Так что «Мистер Софти» обещал более приятное времяпрепровождение.

Продавец обслужил трех мальчишек: два шоколадных батончика «Дилли» и чудовищно большой рожок с шоколадно-ванильным мороженым для богатенького Буратино, который стоял по центру и, очевидно, платил за всех. Пока он копался в мятых долларовых бумажках, которые достал из кармана модных мешковатых джинсов, рука женщины с пуделем и во «властном костюме»[7] нырнула в сумочку, которая висела на плече, чтобы вновь появиться уже с сотовым телефоном (женщины во «властных костюмах» больше не выходят из дома без сотового телефона, соседствующего с кредитной карточкой «АмЭкс»). Мгновением позже

женщина уже откинула крышку мобильного. За их спинами, в парке, гавкнула собака и закричал человек. В крике Клай радости не уловил, но, обернувшись, увидел нескольких людей, прогуливающихся по дорожкам, собаку, которая бежала, зажав в пасти фрисби («Разве их не положено брать на поводок?» – подумал он), акры залитых солнцем зеленых лужаек и манящую тень под деревьями. Парк представлялся идеальным местом, где человек, только что продавший свой первый графический роман и его продолжение, и то, и другое за огромную сумму, мог посидеть и съесть рожок с шоколадным мороженым.

Когда Клай повернул голову, трое мальчишек в мешковатых джинсах уже ушли, а женщина во «властном костюме» заказывала сандей[8] одной из девочек, что стояли за ней, мобильник цвета перечной мяты висел на бедре, женщина поднесла свой к уху. Клай подумал, как думал всегда, на том или ином уровне сознания, если видел одну из разновидностей такого вот поведения, что нынче это действие стало нормой, тогда как раньше рассматривалось чуть ни не нестерпимым оскорблением (да, даже если при этом ты проводил маленькую сделку и с совершенно незнакомым тебе человеком).

«Вставь этот эпизод в «Темного скитальца», сладенький», – сказала ему Шарон. Та ее ипостась, которую он держал в голове, говорила часто и требовала, чтобы ей не мешали высказываться. То же самое отличало и реальную Шарон, и не имело значения, жили они вместе или по отдельности. Но по по сотовому телефону она ему ничего сказать не могла. Потому что его у Клая не было.

Мобильник цвета перечной мяты заиграл первые аккорды мелодии «Безумная лягушка», которая так нравилась Джонни. Она называлась «Аксель Эф»? Клай не мог вспомнить, возможно, потому, что отсекал такую информацию. Девочка, который принадлежал телефон, сдернула его с бедра. «Бет? – послушала, улыбнулась, посмотрела на подругу. – Это Бет». Вторая девочка наклонилась вперед, теперь слушали обе, с одинаковыми прическами под фею (для Клая они выглядели, как персонажи мультфильмов, которые показывают утром в субботу, скажем, из «Энергичных девчонок»), которые сплетал вместе слепополуденный ветерок.

– Мэдди? – практически одновременно сказала в трубку женщина во

«властном костюме». Пудель самодовольно сидел на конце поводка (красного, присыпанного блестками), глядя на проносящиеся по Бойлстон-стрит автомобили. На другой стороне улицы, у отеля «Четыре сезона», швейцар в коричневой униформе (они всегда одевались в коричневое или синее), махал рукой, вероятно, останавливая такси. «Утка»^[9], набитая туристами, проехала мимо, высоченная, такая неуклюжая на суше, водитель рассказывал в микрофон о чем-то историческом. Две девочки, которые слушали мобильник цвета перечной мяты, переглянулись, улыбаясь чему-то из услышанного, но не захихикали.

– Мэдди? Ты меня слышишь? Ты...

Женщина во «властном костюме» подняла руку, в которой держала поводок и всунула палец с длинным ногтем в свободное ухо. Клай поморщился, опасаясь за барабанную перепонку женщины. Представил себе, как рисует ее: собака на поводке, «властный костюм», модная короткая стрижка... и маленькая струйка крови, вытекающая из-под пальца в ухо. «Утка», проезжающая мимо, и швейцар на заднем плане. Такие детали почему-то прибавляют скетчу достоверности. Так было всегда. И все это знали.

– Мэдди, ты куда-то пропадаешь! Я только хотела тебе сказать, что постриглась в этой новой... постриглась... ПОСТ...

Продавец в «Мистере Софти» наклонился вперед и протянул женщине стакан с сандеем. Из стакана поднимался белый Монблан, залитый по бокам шоколадным и клубничным сиропами. Бородатое лицо продавца оставалось бесстрастным. Оно говорило о том, что он все это уже видел. Клай не сомневался, что видел, и, скорее всего, по два раза. В парке кто-то закричал. Клай опять обернулся, говоря себе, что это должен быть крик радости. В три часа пополудни, в солнечный день, в лучшем бостонском парке могли кричать только от радости. Ведь так?

Женщина сказала Мэдди что-то неразборчивое, отработанным движением кисти закрыла мобильник. Бросила в сумочку и застыла, просто стояла, словно забыла, что она здесь делает, а может, и где находится.

– С вас четыре доллара пятьдесят центов, – продавец терпеливо держал в вытянутой руке стакан с сандеем. Клай еще успел подумать, до чего же все дорого в этом гребаном городе. Возможно, и женщине во «властном

костюме» пришла в голову та же мысль (такое предположение, во всяком случае, возникло у Клая прежде всего), потому что еще мгновение она стояла, не шевелясь, просто смотрела на стакан с возвышающимся над ним горой мороженого с залитыми сиропом склонами, как будто никогда не видела ничего подобного.

Новый крик донесся из Коммон, на этот раз уже не человеческий, нечто среднее между изумленным взвизгом и скулежом боли. Обернувшись на этот раз, Клай увидел ту самую собаку, которая несла в пасти фрисби. Собака была большая, с коричневой шерстью, возможно, лабрадор, в породах Клай не разбирался, если ему требовалось нарисовать собаку, он брал иллюстрированный справочник и находил картинку, которая требовалась. Мужчина в деловом костюме стоял рядом с собакой на коленях, крепко держал за шею и («Конечно же, я не вижу того, что, как мне кажется, вижу», – сказал себе Клай)... грыз собачье ухо. Собака опять взвизгнула от боли и попыталась вырваться. Мужчина в деловом костюме держал ее крепко и, да, собачье ухо было во рту мужчины, а потом, на глазах Клая, мужчина оторвал ухо. Тут уж собака взвыла совсем, как человек, и несколько уток, которые плавали в соседнем прудике, крикая, поднялись в воздух.

– Ар-р! – крикнул кто-то за спиной Клаю. Вроде бы прозвучало, как «Пар!» А может, бар или даже барк, но увиденное позже привело к мысли, что прокричали именно «ар-р». Не слово, а что-то нечленораздельное, агрессивное.

Он успел повернуться к магазинчику на колесах, чтобы увидеть, как женщина во «властном костюме» всунулась в раздаточное окошко с тем, чтобы добраться до продавца. И ей таки удалось ухватиться за складки его свободного покроя белой блузы. Но одного шага назад, продавец сделал его от неожиданности, хватило, чтобы оторвать женщину от блузы. Ее высокие каблуки на считанные мгновения поднялись над тротуаром, Клай услышал шуршание материи, щелчки пуговиц о прилавок перед раздаточным окошком, когда ее пиджак на груди сначала проехался по нему вверх, а потом вниз.

Сандей исчез из виду. Клай увидел пятна мороженого и сиропа на левых запястьях и локте женщины, когда ее каблуки вновь цокнули об асфальт. Она покачнулась, ее колени подогнулись. И если раньше Клай видел перед

собой отстраненную, хорошо воспитанную, ставящую себя выше других женщину (как он понимал, уличную маску), то теперь прежнее выражение лица уступило место конвульсивной злобе, которая превратила глаза в щелочки и выставила напоказ как верхние, так и нижние зубы. Верхняя губа загнулась к носу, открыв внутреннюю бархатистую розовую поверхность, такое же интимное местечко, как и влагалище. Пудель выбежал на мостовую, таща за собой красный поводок и петлей для руки на конце. Проезжавший мимо черный лимузин раздавил пуделя, прежде чем тот успел пересечь вторую полосу движения. В одно мгновение пушистый комок превратился в кровавое месиво на асфальте.

«Бедняга, возможно, уже лаял в собачьем раю еще до того, как понял, что умер», – подумал Клай. Он понимал, что в каком-то смысле состояние у него шоковое, но все это ни в коей мере не отражалось на степени его изумления. Портфель оттягивал одну руку, коричневый пластиковый пакет – вторую, а нижнюю челюсть потянуло к земле собственным весом.

Где-то, если судить по звуку, за углом, на Ньюбери-стрит, что-то взорвалось.

Если прически у девочек с «Ай-подами» были одинаковыми, то цвет волос – нет. Хозяйка мобильного цвета перечной мяты была блондинкой, ее подруга – брюнеткой, феи Светлая и Темная. И вот теперь фея Светлая бросила свой телефон на тротуар, от удара он разбился, и схватила женщину во «властном костюме» за талию. Клай предположил (если он еще мог что-то предполагать), что она хочет остановить женщину, не позволить ей ни вновь попытаться схватить продавца мороженого, ни броситься на мостовую за собакой. В этот момент какая-то часть его сознания даже заплотировала хладнокровию девочки. Ее подруга, фея Темная, попятилась от них, сцепив маленькие побледневшие ручки между грудок, широко раскрыв глаза.

Клай выронил предметы, которые держал в руках, портфель – по одну сторону от себя, пластиковый пакет – по другую, и шагнул вперед, чтобы помочь фее Светлой. На другой стороне улицы (он увидел это краем глазом) автомобиль развернуло и вынесло на тротуар перед отелем «Четыре сезона». Швейцару пришлось отскакивать в сторону, чтобы не угодить под колеса. Из переднего дворика отеля донеслись крики. Но прежде чем Клай начал помогать фее Светлой удерживать женщину во «властном костюме»,

девочка с невероятной скоростью, сравнимой с броском змеи, вскинула голову, потянулась вверх, ощерила, несомненно, крепкие юные зубки, и вонзила их в шею женщины во «властном костюме». Кровь хлынула струей. Фея-девочка подставила под нее лицо, не только умылась кровью, но, возможно, даже выпила ее (Клай практически не сомневался, что выпила), и начала трясти женщину во «властном костюме», как куклу. Женщина была выше девочки и тяжелее как минимум на сорок фунтов, но девочка трясла ее так сильно, что голова женщины моталась взад-вперед, отчего кровь хлестала все сильнее. И тут же фея Светлая вскинула залитое кровью лицо к ярко-синему октябрьскому небу, и из ее груди исторгся дикий, торжествующий вопль.

«Она рехнулась, – подумал Клай. – Совершенно рехнулась».

– Ты кто? – выкрикнула фея Темная. – Что происходит?

Услышав голос подруги, фея Светлая повернула залитую кровью голову на звук. Кровь капала с короткой челки надо лбом. Глаза превратились в белые круги на кровавом фоне глазниц.

Фея Темная смотрела на Клая, широко раскрытыми глазами.

– Ты кто? – повторила она... и добавила. – Кто я?

Фея Светлая отпустила женщину во «властном костюме», которая повалилась на тротуар с прогрызенной сонной артерией, из которой продолжала течь кровь, и прыгнула на подругу, с которой несколькими мгновениями раньше делила сотовый телефон.

Клай ни о чем не думал. Если бы начал думать, фее Темной вскрыли бы сонную артерию точно так же, как и женщине во «властном костюме». Он даже не смотрел. Потянулся вниз и вправо, ухватил за верхнюю часть пластиковый пакет с надписью «маленькие сокровища» на боковой поверхности, и ударил мешком по затылку феи Светлой, когда та, вытянув перед собой руки (пальцы на фоне синего неба напоминали когти чайки, изготовившейся схватить рыбу), практически добралась до бывшей подруги. Если бы он промахнулся...

Он не промахнулся, не получилось и удара по касательной. Пакет со стеклянным пресс-папье со всей силой опустился на затылок на затылок

феи Светлой. Глухо чавкнуло, руки феи Светлой повисли, как плети, одна – вся в крови, вторая – чистая, и она упала у ног подружки, как мешок с почтовой корреспонденцией.

– Что за чертовщина? – прокричал продавец. Неестественно пронзительным голосом. Возможно, шок превратил его в тенора.

– Не знаю, – сердце у Клая стучало, как паровой молот. – Помогите мне. Эта женщина истекает кровью.

Из-за угла, с Ньюбери-стрит, послышался сильный удар, сопровождаемый скрежетом металла, характерным для столкновения автомобилей, за ним последовали громкие крики. Позади фургона «Мистер Софти» еще один автомобиль пересек три полосы движения Бойлстон-стрит и оказался в переднем дворике отеля «Четыре сезона», по пути сбил двух человек и врезался в багажник первого автомобиля, который стоял, впечатавшись передним бампером и капотом во вращающуюся дверь. Этот тычок заставил первый автомобиль продвинуться вперед. Вращающаяся дверь погнулась еще сильнее. Клай не мог видеть, придавило там кого или нет: все застлало клубы пара, поднимающиеся над разгерметизировавшимся радиатором первого автомобиля. Но крики агонии, доносившиеся оттуда, предполагали плохое. Очень плохое.

Продавец, его отсекал от отеля глухой борт фургона, высунулся из раздаточного окошка, таращась на Клая.

– Что там происходит?

– Не знаю. Пара автомобильных аварий. Пострадали люди. Неважно. Помогите мне, – он опустился на колени около женщины во «властном костюме» и обломков мобильного феи Светлой. Подергивания женщины слабели.

– Дым над Ньюбери, – отметил продавец, который и не думал покидать свой относительно безопасный магазин на колесах. – Что-то там взорвалось. Что-то крупное. Может, террористы.

Едва это слово сорвалось с губ продавца, Клай сразу же согласился с его версией.

– Помогите мне, – повторил он.

– КТО Я? – внезапно прокричала фея Темная.

Клай совершенно про нее забыл. Когда поднял голову, увидел, как девочка ударила себя по лбу ребром ладони. Потом трижды быстро повернулась вокруг оси, на мысках теннисных туфель. Увиденное вызвало из памяти стихотворение, которое они изучали в колледже на курсе литературы: «Тройной круг сплети вокруг него». Коулридж[\[10\]](#), не так ли? Девочка покачнулась, побежала по тротуару, напрямик на фонарный столб. Не попыталась избежать столкновения, даже не выставила перед собой руки. Ударилась лицом, ее отбросило назад, она покачнулась, потом вновь врезалась в фонарный столб.

– Прекрати! – проревел Клай. Вскочил, побежал к ней, поскользнулся на крови женщины во «властном костюме», чуть не упал, удержался на ногах, споткнулся о фею Светлую, снова чуть не упал.

Фея Темная повернулась к нему лицом. Нос сломан, кровь, струящаяся по нижней части лица. Шишка на лбу, увеличивающаяся, как грозовое облако в летний день. Один глаз «сошел с орбиты», закатился под веко. Она открыла рот (плоды дорогостоящих трудов ортодонта[\[11\]](#) пошли прахом), и рассмеялась ему в лицо. Смех этот остался в его памяти навсегда.

А потом, крича, побежала по тротуару.

За спиной Клай заурчал мотор, и колокольчики начали вызванивать мелодию «Улицы Сезам». Он повернулся и увидел, что «Мистер Софти» торопливо отъезжает от тротуара. В этот самый момент на верхнем этаже отеля, который высился на противоположной стороне улицы, вдребезги разлетелось окно. Человеческое тело вылетело в октябрьский день. Упало на тротуар, где какие-то его части разлетелись в разные стороны, какие-то остались на месте. Из переднего двора донеслись новые крики. Ужаса. Боли.

– Нет! – Клай по тротуару побежал за магазинчиком на колесах. – Нет, вернитесь и помогите мне. Мне нужна помощь, сукин ты сын!

Продавец, ставший водителем, ничего не ответил, может, не услышал Клая за звяканьем колокольчиков. Клай мог вспомнить слова этой мелодии, из

того времени, когда у него не было оснований думать, что его семейная жизнь может дать трещину. В те дни Джонни смотрел «Улицу Сезам» каждый день, сидя в своем маленьком стульчике, сжимая в руках чашку с каналом для питья в ручке. Что-то насчет солнечного дня, когда облаков нет и в помине.

Мужчина в деловом костюме выбежал из парка, во весь голос вопя что-то нечленораздельное. Полы пиджака развевались за спиной, как крылья. Клай узнал его по бородке из собачьей шерсти. Пересек улицу, не обращая внимания на транспорт. Автомобили объезжали его, несколько раз он просто чудом не оказался под колесами. Но добрался до противоположного тротуара, продолжая вопить и размахивать руками. Исчез в тених под навесом над передним двориком отеля «Четыре сезона». Клай его больше не видел, но, должно быть, мужчина вновь на кого-то набросился, потому что криков в переднем дворике прибавилось.

Клай сдался, отказавшись от дальнейшего преследования «Мистера Софти», остановился, одной ногой на тротуаре, второй – в сливной канаве, наблюдая, как магазин на колесах, все еще звякая колокольчиками, выезжает на среднюю полосу движения Бойлстон-стрит. И уже собирался повернуться к лежащей без сознания девочке и умирающей женщине, когда на улице появилась еще одна «утка». Эта не «плыла», а мчалась на полной скорости, в реве двигателя, ее так и качало с борта на борт. Некоторые пассажиры, их безжалостно мотало из стороны в сторону, жалобно скулили, умоляя водителя остановиться. Другие просто держались за металлические стойки по открытым бортам этого неуклюжего уродца, который продвигался по Бойлстон-стрит навстречу движению.

Мужчина в футболке схватил водителя сзади, и Клай вновь слышал тот самый нечленораздельный, агрессивный, усиленный примитивной системой громкой связи «утки», прозвучавший, когда водитель движением плеч отбросил от себя мужчину. На этот раз не совсем: «Ар-р», – что-то более гортанное, вроде: «Гр-р!» А мгновением позже водитель «утки» увидел «Мистера Софти» (Клай мог в этом поклясться) и изменил курс, заходя на цель.

– Господи, пожалуйста, нет! – закричала женщина, которая сидела в передней части «утки», выбиравшей последний ярды, отделявшие амфибию-автобус от магазинчика на колесах, торгующего мороженым и в

шесть раз уступающему «утке» в размерах. Клай отлично помнил праздничный парад, который смотрел по телевизору в год победы «Ред сокс» в чемпионате страны по бейсболу. Команда сидела в процессии медленно движущихся «уток» и махала руками восторженной толпе, не обращающей ни малейшего внимания на холодный морозящий осенний дождь.

– Господи, пожалуйста, нет! – вновь взвизгнула женщина, а рядом с Клаем раздался мужской голос, кроткий и тихий: «Господи Иисусе».

«Утка» ударила фургон и отбросила, как детскую игрушку. Фургон приземлился на борт, его система громкой связи продолжала вызывать мелодию «Улицы Сезам», и заскользил обратно к Коммон, высекая фонтаны искр, результат трения металла об асфальт. Две женщины, которые наблюдали за происходящим с тротуара, бросились прочь, держась за руки, и с трудом успели увернуться. Фургон «Мистер Софти» ударился о бордюрный камень, на какие-то мгновения поднялся в воздух, потом врезался в железный забор, отделяющий парк от тротуара и замер. Музыка дважды икнула и смолкла.

Тем временем псих, сидящий за рулем «утки», потерял последние остатки контроля над вверенным ему транспортным средством. «Утку» понесло поперек Бойлстон-стрит под дикие крики перепуганных туристов, цепляющихся за стойки по открытым бортам. Амфибия выехала на противоположный тротуар, в пятидесяти ярдах от того места, что «Мистер Софти» последний раз звякнул колокольчиками, и врезалась в низкую кирпичную стену под панорамной витриной магазина фешенебельной мебели «Огни города». С громким, немзыкальным треском витрина разлетелась вдребезги. Широкий зад «утки» (с надписью «ХОЗЯЙКА БУХТЫ», розовыми буквами) поднялся на пять футов. Момент движения стоял за то, чтобы перевернуть амфибию. Масса этого не допустила. Задние колеса вновь коснулись тротуара, «утка» застыла, зарывшись носом в дорожные диваны и стулья для гостиной, но уже после того, как никак не меньше двенадцати человек продолжили поступательное движение, исчезнув как с борта «утки», так и из виду. В недрах «Огней города» завывала охранная сигнализация.

– Господи Иисусе, – повторил кроткий голос у правого локтя Клая. Он повернулся и увидел невысокого мужчину, с редящими темными

волосами, крошечными черными усиками и в очках с золотой оправой. – Что происходит?

– Не знаю, – ответил Клай. Разговор давался ему с трудом. С большим трудом. Он обнаружил, что слова приходится выталкивать из себя. Предположил, что причина – шок. На другой стороне улицы бежали люди, одни из отеля «Четыре сезона», другие из разбитой «утки». У него на глазах, мужчина, покинувший борт «утки» на своих двоих, лоб в лоб столкнулся с женщиной, выбежавшим из отеля. От удара оба рухнули на тротуар. Клаю не оставалось ничего другого, как задаться вопросом, а может, он сошел с ума и видит галлюцинации, запертый в палате какого-нибудь дурдома. Скажем, Джунипер-Хилл [\[13\]](#) в Огасте, между уколами «торазина». – Парень из этого вот магазинчика мороженого сказал, может, террористы».

– Я не вижу людей с оружием, – сказал невысокий мужчина с усами. – Или парней с бомбами в рюкзаках.

Не мог углядеть их и Клай, зато видел свои пакет для покупок с надписью «маленькие сокровища» и портфель с рисунками, стоящие на тротуаре. И кровь, которая, вытекая из прогрызенной шеи женщины во «властном костюме» («Боже, – подумал он, – как много крови»), почти добралась до портфеля. В нем осталась всего лишь дюжина рисунков к «Темному скитальцу», но, конечно, рисунки эти тут же заняли все его мысли. Быстрым шагом он направился к портфелю. Невысокий мужчина не отставал. Когда включилась вторая охранная (может, и какая другая) сигнализация, добавив хрипловатой резкости к трескотне первой, коротышка подпрыгнул.

– Это в отеле, – уточнил Клай.

– Я знаю, просто... Боже, – он увидел женщину во «властном костюме», теперь лежащую в озере волшебного вещества, которое приводило в движение все ее колокольчики и свисточки... когда? Четыре минуты тому назад? Или две?

– Она мертва, – Клай вздохнул. – Во всяком случае, я практически уверен, что она мертва. Эта девочка... – он указал на фею Светлую. – Она это сделала. Зубами.

– Вы шутите.

– Хотелось бы.

Дальше по Бойлстон-стрит что-то гроыхнуло. Мужчины вздрогнули. Клай понял, что до него доносится запах дыма. Он поднял с асфальта мешок «маленькие сокровища» и портфель, переставил подальше от все увеличивающейся в размерах лужи крови.

– Это мое, – еще произнося слова, удивился, что счел необходимым объяснять свои действия.

Коротышка в твидовом костюме («Одет-то он с иголочки», – подумал Клай) все еще с ужасом смотрел на лежащее на тротуаре тело женщины, которая остановилась, чтобы купить сандей, и потеряла сначала собаку, а потом и жизнь. Трое молодых парней пробежали мимо них по тротуару. Смеялись, издавали восторженные крики. Двое в бейсболках «Ред сокс», повернутыми козырьком на затылок. Один нес картонную коробку с напечатанной синим надписью «rapasonic» на боковой поверхности. Он-то и наступил правой кроссовкой в разливающуюся по асфальту кровь женщины во «властном костюме» и какое-то время оставлял за собой сходящий на нет одноногий след. Вся троица продолжила путь к восточному краю Коммон и лежащему за парком Чайнатауну.

3

Клай опустился на одно колено и свободной рукой, той, что не сжимала ручки портфеля (увидев парня, бегущего с коробкой «panasonic», он все больше тревожился из-за того, что может потерять портфель), взял фею Светлую за запястье. Пульс нащупал сразу. Медленный, но сильный и регулярный. Почувствовал огромное облегчение. Чего бы ни сделала девочка, она была всего лишь ребенком. Не хотелось думать, что он убил ее ударом стеклянного пресс-папье, купленным в подарок жене.

– Посмотрите, посмотрите, – чуть ли не пропел усатый коротышка. Смотреть у Клая времени не было. К счастью, в этот раз быстрота реакции значения не имела. Автомобиль, один из тех большущих внедорожников, что льют воду на мельницу ОПЕК, свернул с Бойлстон-стрит как минимум в двадцати ярдах от того места, где он опустился на колено, снес секцию железного забора и нашел покой, въехав передним бампером в пруд для уток.

Дверца распахнулась, из салона выскочил молодой человек, что-то выкрикнул в небо. Упал на колени в воду, зачеркнул часть сложенными лодочкой руками и отправил в рот (в голове Клая мелькнула мысль, что утки многие годы радостно срали в этот пруд), потом поднялся и побрел к дальнему берегу. Исчез среди деревьев, размахивая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное.

– Нам нужно помочь этой девочке, – Клай повернулся к невысокому мужчине. – Она без сознания, но жива.

– Нам нужно убратъся с этой улицы, прежде чем нас задавят насмерть, – ответил мужчина и, словно в доказательство его слов, такси врезалось в длинный лимузин неподалеку от заехавшей в мебельный магазин «утки». Лимузин тоже пострадал, но такси досталось сильнее. Клай увидел, как водитель вылетел через проем на месте лобового стекла (само стекло вылетело раньше) и приземлился на тротуаре, прижимая к груди окровавленную руку и крича.

Конечно же, правота была на стороне усатого мужчины. Здравомыслие, те его крупницы, которым удавалось прорваться сквозь туман шока, который застилал разум Клай, однозначно говорило о том, что на текущий момент оптимальный вариант действий – покинуть Бойлстон-стрит и где-нибудь укрыться. Если происходящее вокруг – дело рук террористов, то ничего подобного он никогда не видел и о таком не читал. Поэтому ему (им) следует лечь на дно и не высовываться, пока ситуация не прояснится. Неплохо бы добраться и до телевизора, чтобы узнать, что происходит в других местах. Но ему не хотелось оставлять потерявшую сознание девочку на улице, которая вдруг превратилась в сумасшедший дом. Его душа (и, само собой, цивилизованность) противилась этому всеми фибрами.

– Вы идите, – слова эти он произнес с неохотой. Да, он впервые видел этого коротышку, но тот, по крайней мере, не нес белиберду и не размахивал руками. И не бросался на Клая, оскалив зубы. – Укройте где-нибудь. А я... – он не знал, как закончить фразу.

– Вы что? – спросил усатый, потом поник плечами и его передернуло, потому что раздался еще один взрыв. На этот раз из-за отеля. Оттуда повалил черный дым, начал подниматься, пятная синее небо, забрался на высоту, где его подхватил ветер и понес прочь.

– Я позвоню копам, – внезапно осенило Клая. – У нее есть сотовый, – он ткнул пальцем в женщину во «властном костюме», которая уже мертвой лежала в луже собственной крови. – Она звонила по нему перед тем... вы понимаете, аккурат перед тем, как началось все...

Он замолчал, восстанавливая в памяти последовательность событий, предшествующих всему этому безобразию. Взгляд его переместился от мертвой женщины к потерявшей сознание девочке, потом к обломкам мобильного потерявшей сознание девушки, цвета перечной мяты.

Вдали в двух тональностях завывали сирены. Клай решил, что одна разновидность сирен установлена на патрульных машинах, а вторая – на пожарных. Он полагал, что жители Бостона различали эти тональности без труда, но он-то жил в Кент-Понде, штат Мэн, и всем своим сердцем хотел оказаться там прямо сейчас.

А случилось, перед тем, как началось все это безобразие, следующее: женщина во «властном костюме» позвонила своей подруге Мэдди, чтобы сообщить, что она постриглась, а одна из подружек феи Светлой позвонила ей. И фея Темная слушала последний разговор. После этого все трое сошли с ума.

«Ты же не думаешь...»

У них за спинами, на востоке, грохнуло, как никогда раньше: словно кто-то выстрелил из гигантского ружья. Клай вскочил. Он и коротышка в твидовом костюме сначала переглянулись, потом посмотрели в сторону Чайнатауна и бостонского Норт-Энда. Что там взорвалось, они увидеть не могли, но теперь в той стороне над зданиями поднималось большущее облако черного дыма.

Пока они смотрели на дым, к отелю «Четыре сезона» на противоположной стороне улицы подъехали радиофицированная патрульная машина бостонского полицейского управления и пожарная, с раздвижной лестницей. Клай, подняв голову, увидел, как еще один человек выпрыгнул из окна последнего этажа отеля, потом двое полетели уже с крыши. Клаю показалось, что последние норовили ударить друг друга и по пути вниз.

– Иисус Мария и Иосиф, НЕТ! – какая-то женщина прокричала срывающимся голосом. – НЕТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ!

Первый из самоубийц упал на заднюю часть патрульной машины, запачкал багажник волосами и ошметками мозгов, выбил заднее стекло. Двое других рухнули на капот и лестницу пожарной машины. Пожарные, в ярко-желтых плащах, разбежались в разные стороны, словно огромные птицы.

– Нет! – вопила женщина. – ХВАТИТ! ХВАТИТ! Дорогой ГОСПОДЬ, ХВАТИТ!

Но вниз, вращаясь, как акробат, уже летела женщина с пятого и шестого этажа. Приземлилась она на полицейского, который стоял, задрал голову. Убила его и погибла сама.

Очередной мощный взрыв раздался на севере, словно дьявол в аду продолжал стрелять из ружья. Вновь Клай посмотрел на коротышку и наткнулся на его озабоченный взгляд. Все больше дыма поднималось над

городом и, несмотря на ветер, небесная синева чуть ли не везде окрасилась в черное.

– Они опять используют самолеты, – сказал коротышка. – Эти паршивые мерзавцы опять используют самолеты.

Словно подтверждая его слова, третий чудовищный взрыв прогремел на северо-востоке.

– Но... там же Логан[\[14\]](#), – Клаю снова стало трудно говорить, и еще труднее думать. В голове вертелась только одна глупая шутка: «Ты слышал анекдот про (сюда вставляют любимую этническую группу) террористах, которые решили поставить Америку на колени, взорвав аэропорт?»

– И что? – резко спросил коротышка. 17

– Тогда почему не Хэнкок-Билдинг[\[15\]](#)? Почему не Пру?[\[16\]](#)

Коротышка поник плечами.

– Не знаю. Мне понятно только одно: я хочу убраться с улицы.

Похоже, не он один придерживался такого мнения. Еще полдюжины молодых людей пробежали мимо них. Бостон – город молодежи, напомнил себе Клай, так много колледжей. Эти шестеро, трое юношей и три девушки, не тащили награбленное и, понятное дело, не смеялись. На бегу один из юношей вытащил из кармана мобильник и поднес к уху.

Клай посмотрел на другую сторону улицы и увидел вторую черно-белую патрульную машину, которая подъехала и остановилась рядом с первой. Необходимость воспользоваться сотовым телефоном женщины во «властном костюме» отпала (и его это только порадовало, поскольку он уже пришел к выводу, что иметь дело с мобильником ему совершенно не хочется). Теперь же он мог просто перейти Бойлстон-стрит и поговорить с копами, да только сомневался, что при сложившихся обстоятельствах решится перейти на другую сторону улицы. А если бы и перешел, пошли бы они сюда, чтобы взглянуть на лежащую без сознания девочку, если по городу количество раненых и травмированных наверняка превзошло все разумные пределы? У него на глазах пожарные начали переводить оборудование в походное состояние. Похоже, собирались уехать в другое

место. Скорее всего, в аэропорт Логан, или...

– Господи Иисусе, остерегайтесь этого типа, – прервал его размышления голос усатого коротышки. Клай посмотрел на запад, на центр города, откуда шел, когда думал, что сейчас главное для него – связаться с Шарон по телефону. Он даже решил, как начать разговор: «Хорошие новости, милая... уж не знаю, как у нас все сложится, но деньги на башмаки для мальчонки будут всегда». В его голове эта фраза звучала такой легкой и забавной... как в давние времена.

Нынче же ничего забавного не было. К ним приближался (не бежал, но шел большими, решительными шагами) мужчина лет пятидесяти. В брюках от костюма и остатках рубашки и галстука. Брюки были серыми. Определить цвет галстука и рубашки не представлялось возможным, потому оставшиеся от них лохмотья покрывала кровь. В правой руке мужчина держал, как показалось Клаю, мясницкий тесак с лезвием длиной в восемнадцать дюймов. Клай вдруг понял, что видел этот нож, в витрине магазина «Душа кухни», когда возвращался из отеля «Копли-сквер». Ножи разных размеров (перед ними стояла металлическая табличка с выгравированными на ней словами: «ШВЕДСКАЯ СТАЛЬ!») красиво поблескивали, благодаря искусной подсветке, но это лезвие поработало на совесть (или поработало без совести) после освобождения из замкнутого пространства витрины, и теперь потускнело от крови.

– Глазлаб! – крикнул он. – И-и-и-лах-и-и-и-лах-а-баббалах наз! А-баббалах почему? А-банналу кой? Каззалах! Каззалах-Кан! Фай! Шай-фай! – рука с ножом пошла вниз, к правому бедру, потом за него, и Клай (его чувства обострились настолько, что он уже мог предвидеть близкое будущее) сразу понял, что делается все это для того, чтобы нанести удар с замаха. Удар в живот, удар на ходу, который не прервет этот безумный марш в никуда через вторую половину октябрьского дня, не заставит сбиться с широкого, решительного шага.

– Берегись! – крикнул усатый коротышка, но сам-то он не берегся, этот усатый коротышка, первый нормальный человек, с которым заговорил Клай Ридделл после того, как началось все это безумие (который, если уж на то пошло, заговорил с ним, а для этого требовалась мужество, учитывая обстоятельства), застыл на месте, его глаза за линзами в золотой оправе стали еще больше. И этот безумец направлялся к нему, решив, что из двух

мужчин усатый был меньше ростом, а потому являл собой более легкую добычу? Если так, то, возможно, этот мистер Говорим-на-разных-языках не был таким уж и безумцем. И внезапно к испугу, который испытывал Клай, присоединилась злость, та самая злость, которая могла бы его охватить, если бы, стоя у школьного забора, он увидел, как один из местных хулиганов собирается учить жизни мальчишку, который меньше и младше его.

– БЕРЕГИСЬ! – буквально завопил усатый коротышка, по-прежнему не сдвигаясь с места, а его смерть уже спешила к нему, смерть, освобожденная из витрины магазина «Душа кухни», в котором, несомненно, принимали кредитные карточки «Дайнерс Клуб» и «Виза», а также личные чеки, если к ним прилагалась банковская карточка.

Клай не раздумывал. Просто подхватил портфель за обе ручки и сунул его между поднимающимся по дуге ножом и своим новым знакомым в твидовом костюме. Нож пробил портфель, но его острие остановилось в четырех дюймах от живота коротышки. А тот наконец-то вышел из транса и попятился к Коммон, во весь голос, пронзительно зовя на помощь.

Мужчина в лохмотьях рубашки и галстука (щеки у него округлились, а шея потолстела, словно пару лет назад его личное уравнение между калорийной пищей и интенсивными физическими упражнениями превратилось в неравенство) резко оборвал свой понятный только ему монолог. На лице отразилось бессмысленное замешательство, не перешедшее, правда ни в удивление, ни, тем более, в изумление.

А Клая захлестнула ярость. Лезвие проткнуло картины «Темного скитальца» (для него это были картины, не рисунки, не иллюстрации), и ему казалось, что, протыкая портфель с рисунками, лезвие это вонзилось в особую часть его сердца. Реакция, конечно же, была неадекватной, учитывая, у него были копии всех картин, включая и четырех цветных, но он все равно разъярился. Нож безумца проткнул волшебника Джона (названного, естественно, в честь сына), колдуна Флэка, Френка, братьев Поссе, Сонную Джин, Порченую Салли, Лили Астолет, Синюю колдунью и, конечно же, Рея Деймона^[17], самого Темного скитальца. Созданных им фантастических персонажей, живущих в пещере его воображения и призванных освободить своего творца от выматывающей работы учителя рисования в дюжине школ маленьких городков штата Мэн, необходимости

ежемесячно наматывать тысячи миль и практически жить в автомобиле.

Он мог поклясться, что услышал их стон, когда нож безумца пронзил портфель, где они спали безмятежным сном.

Вне себя от ярости, не обращая внимания на нож (во всяком случае, в тот момент), он оттолкнул безумца, попер на него, держа портфель обеими руками, используя как щит, и ярость его только продолжала нарастать, когда он увидел, что насаженный на нож портфель еще и выгибается широкой буквой V.

– Блет! – проревел псих и попытался выдернуть нож из портфеля. Но лезвие сидело крепко. – Белт ку-ям доу-рам каззалах а-баббалах!

– Я сейчас баббалахну твой каззалах, хрен моржовый! – крикнул Клай и поставил левую ногу позади пятящихся назад ног лунатика. Потом ему пришла в голову мысль о том, что тело знает, как бороться, когда возникает такая необходимость. Это секрет, который хранит тело, точно так же, как и другие секреты: оно может и быстро бежать, и перепрыгнуть через достаточно широкий ручей, и бросить палку, если альтернативный вариант только один – умереть. Так что в экстремальной ситуации тело просто берет инициативу на себя и делает то, что нужно, тогда как мозг стоит в стороне и ничего не может, кроме как посвистывать, притоптывать ногой да смотреть на небо. Или, если уж на то пошло, размышлять о том, какой звук издает нож, пронзая портфель, который жена подарила тебе на твой двадцать восьмой день рождения.

Безумец споткнулся о выставленную ногу Клая, как и рассчитывало тело, и упал на спину. Клай наклонился над ним, тяжело дыша, по-прежнему держа обеими руками портфель, который теперь действительно напоминал помятый в сражении щит. Мясницкий тесак все так же пронзал портфель, рукоятка находилась с одной стороны, лезвие торчало с другой.

Безумец попытался встать. Но тут к ним подскочил новый друг Клай, и пнул безумца в шею, очень даже неслабо. Коротышка громко всхлипывал, слезы катились по его щекам и туманили линзы очков. Безумец вновь повалился на тротуар, изо рта вывалился язык. Между языком и губами просачивались какие-то хрипы. Клаю казалось, что они не так уж и отличаются от слов, которые чуть раньше непрерывным потоком слетали с

губ безумца.

– Он пытался нас убить! – коротышка продолжал плакать. – Он пытался нас убить!

– Да, да, – кивнул Клай. И внезапно вспомнил, что однажды тем же тоном сказал: «Да, да», – Джонни, давно, они еще знали его Джонни-малыш, когда он пришел к ним с поцарапанными коленками или локтями, плача: «У меня КРОВЬ!»

Лежащий на тротуаре мужчина (у которого крови хватало) уже приподнялся на локтях, вновь попытался встать. На раз инициативу проявил Клай, пинком вышил один локоть из-под безумца, вернув его на тротуар. Но все эти пинки представлялись временной мерой, и не самой удачной. Клай схватился за рукоятку ножа, поморщился, ощутив на ней еще не свернувшуюся, полужидкую кровь (все равно, что провести ладонью по пятну застывшего свиного жира), и дернул. Нож чуть пошел вместе с рукой Клая, потом или остановился, или соскользнула рука. Ему показалось, что он услышал, как темноте портфеля о чем-то печально шепчутся персонажи, и сам вскрикнул, словно от боли. Ничего не мог с собой поделать. И еще не мог не задаться вопросом, а что он будет делать с ножом, когда вытащит его из портфеля? Зарежет безумца? Клай подумал, что мог бы это сделать в тот момент, когда безумец проткнул портфель, в состоянии аффекта, но не теперь.

– Что-то не так? – по-прежнему всхлипывая, спросил коротышка. Клая, погруженного в собственные беды, не могла не тронуть звучащая в голосе озабоченность. – Он вас достал? Вы закрыли мне поле зрения, и я несколько секунд его не видел. Он вас достал? Вы ранены?

– Нет, – ответил Клай, – со мной все в по...

Очередной гигантский взрыв донесся с севера, практически наверняка из аэропорта Логана на другой стороне Бостонского порта. Они оба вжали головы в плечи, вздрогнули.

Безумец воспользовался этим моментом, чтобы сесть и уже поднимался на ноги, когда коротышка в твидовом костюме неуклюже, но эффективно ударил его ногой, угодил по центру разорванного галстука и уложил на асфальт. Безумец взревел и схватил коротышку за ногу. Повалил бы на себя

и раздавил в объятьях, если бы Клай не успел схватить своего нового знакомого за плечо и оттащить от безумца.

– У него остался мой ботинок! – завопил коротышка. Позади них столкнулись еще два автомобиля. Криков все прибавлялось, как и воя сигнализаций. Автомобильных, пожарных, охранных. Издалека доносились и полицейские. – Мерзавец стащил с меня бо...

Внезапно рядом возник полицейский. Один из тех, кто приехал к отелю на противоположной стороне улицы, предположил Клай, когда полицейский опустился на колено рядом с что-то лопочущим психом. Клай сразу возлюбил полицейского. Тот нашел время и возможность подойти сюда! Заметил, что у них творится!

– Вы бы с ним осторожнее, – нервно сказал коротышка. – Он...

– Я знаю, кто он, – ответил коп, и Клай увидел, что тот держит в руке служебный автоматический пистолет. Он понятия не имел, достал ли коп пистолет из кобуры после того, как опустился на колено, или все время держал в руке. Переполнившее его чувство благодарности негативно отразилось на наблюдательности.

Кон смотрел на безумца. Низко наклонился к безумцу. Словно предлагал безумцу наброситься на него.

– Эй, дружище, как дела? – прошептал коп. – Я хочу сказать, что с тобой такое?

Безумец рванулся к копу, его руки сжались на горле слуги закона. И в тоже мгновение коп приставил пистолет к виску безумца и нажал на спусковой крючок. Длинная струя крови выплеснулась с другой стороны сидящей головы безумца, и он упал на тротуар, театральным жестом широко разбросив обе руки: «Посмотри, мамик, я умер».

Клай посмотрел на усатого коротышку, и усатый коротышка посмотрел на Клая. Потом оба повернулись к копу, который уже убрал пистолет в кобуру и доставал из нагрудного кармана форменной рубашки кожаные «корочки». Клай порадовался, заметив, что рука, которая доставала «корочки», чуть дрожит. Он уже боялся копа, но этот страх только бы усилился, если бы рука не дрожала. И только что произошедшее на их глазах не было

единичным случаем. Выстрел оказал некое воздействие на слух Клая, может, прочистил уши, может, какое-то другое. И теперь он уже слышал другие отдельные пистолетные выстрелы, щелчки, пронзающие нарастающую какофонию этого дня.

Коп вытащил из «корочек» белый прямоугольник (Клай подумал, что это визитная карточка) и убрал «корочки» в нагрудный карман. Зажал прямоугольник большим и указательным пальцами левой руки, а правой вновь взялся за рукоятку пистолета. Около его до блеска начищенных ботинок разливалась лужа крови, продолжающей вытекать из простреленной головы безумца. Неподалеку женщина во «властном костюме» лежала еще в одной луже крови, которая уже начала загустевать и темнеть.

– Ваше имя, сэр? – спросил коп Клая.

– Клайтон Ридделл.

– Вы можете сказать, кто сейчас президент?

Клай сказал.

– Сэр, вы можете сказать, какой сегодня день?

– Первое октября. Вы знаете, что...

Коп уже смотрел на усатого коротышку.

– Ваше имя?

– Я – Томас Маккорт, живу в Мейдене, Салем-стрит, дом сто сорок. Я...

– Вы можете назвать фамилию человека, который на последних выборах боролся за пост президента и проиграл?

Том Маккорт назвал.

– На ком женат Бред Питт?

Маккорт вскинул руки.

– Откуда мне знать? Думаю, на какой-нибудь кинозвезде.

– Хорошо, – коп протянул Клаю белый прямоугольник, который держал в левой руке, действительно, визитную карточку. – Я – патрульный Ульрик Эшленд. Это моя визитка. Вас могут вызвать в суд, чтобы вы рассказали о том, что здесь произошло. А произошло здесь следующее: вам потребовалась помощь, я пришел, на меня напали, я отреагировал.

– Вы хотели его убить, – указал Клай.

– Да, сэр, мы, как можем быстро, избавляем этих людей от их страданий. И если вы повторите суду или любой другой ведущей расследование комиссии мои слова и сошлетесь на меня, я буду все отрицать. Но без этого не обойтись. Они появляются везде. Некоторые всего лишь совершают самоубийство. Многие нападают на других, – он помялся, потом добавил. – Насколько мы можем судить, они все нападают на других, – и, словно в подтверждение его слов, с другой стороны улицы донесся пистолетный выстрел, а после паузы еще три, в быстрой последовательности, из крытого переднего дворика отеля «Четыре сезона», который завалило осколками стекла, изуродованными телами, разбитыми автомобилями и залило кровью.

– Рик! – крикнул коп с другой стороны улицы. – Рик, нам нужно ехать в Логан! Всем патрульным машинам! Иди сюда!

Патрульный Эшленд оглядел улицу, но движущихся автомобилей не было. В этот момент на Бойлстон-стрит находились только разбитые машины. Но вот с соседних улиц доносился шум взрывов и столкновений автомобилей. И запах дыма становился сильнее. Коп дошел до середины мостовой, остановился, повернулся к Клаю и Тому.

– Спрячьтесь где-нибудь. В помещении. Один раз вам повезло. В следующий может не повезти.

– Патрульный Эшленд, вы не пользуетесь сотовыми телефонами, так? – спросил копа Клай.

Эшленд смотрел на него с середины проезжей части Бойлстон-стрит, по разумению Клая, не самого безопасного места. Он думал о том, что вытворяла на этой самой улице «утка».

– Нет, сэр. Наши автомобили радиофицированы. У нас есть портативные рации, – он похлопал по чехлу с рацией, который висел на поясном ремне. Клай, который пристрастился к комиксам, как только научился читать, подумал об удивительном поясе Бэтмена, в котором находилось столько полезного.

– Не пользуйтесь ими, – предупредил Клай. – Скажите другим. Не пользуйтесь мобильниками!

– Почему вы так считаете?

– Потому что они воспользовались, – он указал на мертвую женщину и лежащую без сознания девочку. – Аккурат перед тем, как рехнулись. И я готов поспорить на что угодно, что этот парень с ножом...

– Рик! – вновь крикнул коп на другой стороне улицы. – Поторопись, твою мать!

– Спрячьтесь где-нибудь, – повторил патрульный Эшленд и поспешил к той стороне улицы, на которой стоял отель «Четыре сезона». Клай сожалел, что еще раз не сказал копу о вреде сотовых телефонов, но его радовало, что патрульный Эшленд покинул мостовую, ставшую опасной зоной. С другой стороны, он понимал, что в этот день опасной зоной стал весь Бостон.

4

– Что вы делаете? – спросил Клай Тома Маккорта. – Не трогайте его. Возможно, он... ну не знаю, заразный.

– Я и не собираюсь его трогать, но мне нужен мой ботинок.

Ботинок лежал под растопыренными пальцами левой руки безумца, достаточно далеко от лужи его крови. Том осторожно ухватился за пятку и потянул ботинок на себя. Потом сел на бордюрный камень Бойлстон-стрит (в том самом месте, где стоял, по разумению Клая, в другой жизни, магазин на колесах «Мистер Софти») и сунул ногу в ботинок.

– Шнурки порваны, – обнаружил он. – Этот чертов псих порвал шнурки, – и заплакал.

– Попробуйте как-нибудь выкрутиться, – Клай принялся вытаскивать нож из портфеля. Удар наносился с огромной силой, и Клай понял, что нож нужно дергать взад-вперед, чуть-чуть вытаскивать, вгонять назад, а потом опять тащить на себя. Метод срабатывал, но нож выходил неохотно, в череде возвратно-поступательных раскачиваний, с жутким скрипом, от которого Клая передергивало. И он не мог не гадать, а кому из тех, кто находился внутри, досталось больше всего. Глупые мысли, вызванные исключительно шоком, но он никак не мог от них отделаться. – Сможете завязать ботинок хотя бы на две петли?

– Да, думаю, что...

Клай слышал механический «комариный» писк, который, нарастая, перешел в мерное гудение. Том, сидя на бордюрном камне, вытянул шею, оглядываясь. Клай повернулся к парку. Маленький караван патрульных машин ПУБ[18], отъехавший было от отеля «Четыре сезона», остановился на уровне магазина «Огни города» и уткнувшейся в витрину «утки». Копы высунулись из окон, когда частный самолет, средних размеров, может «сессна», может «твин бонанза», в самолетах Клай не разбирался, появился над домами между Бостонским портом и Коммон, летя на малой скорости и

быстро теряя высоту. Еще через несколько мгновений самолет оказался над парком, его крыло практически чиркнуло за вершину одного из сияющих осенней листвой деревьев, а потом он нырнул в каньон Чарльз-стрит, словно пилот решил, что это посадочная полоса. Потом, менее чем в двадцати футах над землей, самолет взял влево, и крыло ударило по фасаду серого каменного здания, возможно, банка, на углу Чарльз- и Бикон-стрит. Ощущение, что самолет летит медленно, можно сказать, парит, в тот самый момент и улетучилось. С огромной скоростью, словно камень, раскрученный в петле пращи, самолет развернуло вокруг крыла, вошедшего в контакт с фасадом, и бросило на соседнее кирпичное здание. И тут же самолет исчез в ярких лепестках красно-оранжевого пламени. Ударная волна пронеслась по парку. Утки улетели раньше.

Клай опустил глаза и увидел, что держит в руке мясницкий тесак. Он вытащил его, пока вместе с Томом Маккортом наблюдал за крушением самолета. Вытер о рубашку сначала с одной стороны, потом с другой, осторожно, чтобы не порезаться (руки-то тряслись), засунул за пояс, с еще большей осторожностью, по самую рукоятку. Когда он это проделал, на ум пришла одна из его первых попыток по созданию комиксов... мальчишество, право слово.

– Пират Джоксер перед вами, к вашим услугам, моя прелесть, – пробормотал он.

– Что? – переспросил Том. Он уже стоял рядом с Клаем, глядя на горящий самолет в дальнем конце Коммон. Из гигантского костра торчал только хвост. На нем Клай мог прочитать бортовой номер самолета: LN6409B. Надпись над номером вроде бы походила на логотип какой-то спортивной команды.

Потом пропал и хвост.

Клай почувствовал, как первые волны тепла достигли его лица.

– Ничего, – ответил он коротышке в твидовом костюме. – Займемся делом.

– Что?

– Пошли отсюда.

– А-а. Хорошо.

Клай двинулся вдоль южной стороны Коммон, в том самом направлении, в каком и шел в три часа дня, восемнадцать минут и вечность тому назад. Тому Маккорту приходилось быстро перебирать ногами, чтобы не отстать. Он действительно был очень маленького роста.

– Скажите, вы часто несете всякую чушь? – любопытствовал он.

– Будьте уверены. Можете спросить у моей жены.

5

– Куда мы идем? – спросил Том. – Я направлялся к станции «Т», – и указал за зеленый киоск, от которого их отделял примерно квартал. Рядом собралась небольшая толпа. – Но теперь не уверен, что это хорошая идея, спускаться под землю.

– Я тоже, – кивнул Клай. – Я снял номер в отеле «Атлантик-авеню инн», в пяти кварталах отсюда.

Том просиял.

– Думаю, я знаю этот отель. На Лоден-стрит, рядом с Атлантик.

– Совершенно верно. Пошли туда. Узнаем, что говорят по телевизору. И я хочу позвонить жене.

– Из номера?

– Естественно, из номера. Сотового телефона у меня просто нет.

– У меня есть, но я оставил его дома. Сломался. Рейф... мой кот... сбросил его с кухонного столика. Как раз сегодня я собирался купить новый, но... Послушайте, мистер Ридделл.

– Клай. И давай на ты.[\[19\]](#)

– Ладно, Клай. А ты уверен, что звонить из номера по обычному телефону безопасно?

Клай остановился. Такая мысль даже не приходила ему в голову. Но, если проводная связь опасна, что тогда могло быть безопасным? Он уже собрался сказать об этом Тому, когда на станции «Т», к которой они направлялись, внезапно началась драка. Оттуда доносились панические крики, вопли и ничего не значащие слова. После встречи с женщиной, который бросился на них с ножом, Клай уже знал, что эта галиматья –

признак безумия. Люди, которые толпились около П-образного парапета из серого камня и уходящих вниз ступеней, бросились врассыпную. Некоторые выбежали на проезжую часть, двое – обнявшись, на бегу оглядываясь. Большинство бросилось в парк, все в разные стороны, огорчив Клая. Куда больше ему нравились те двое, что не расставались и на бегу.

Однако, у станции «Т», и на ногах, оставались двое мужчин и две женщины.

Клай не сомневался, что именно они поднялись со станции по лестнице и разогнали остальных. Когда Клай и Том остановились в полуквартале, наблюдая за ними, оставшиеся четверо принялись драться друг с другом. Драку эту отличала та самая неистовая, убийственная жестокость, с которой Клай уже сталкивался, а вот разделение на избивающих и избиваемых отсутствовало. Дрались не двое против двоих, не трое против одного, и, уж конечно, не «мальчики» против «девочек». Более того, одной из «девочек» была женщина лет шестидесяти пяти, коренастая, со строгой прической, напомнившей Клаю нескольких знакомых ему учительниц, которые приближались к выходу на пенсию.

Она дралась ногами и кулаками, ногтями и зубами, рыча и крича, кружа между полудюжиной лежащих на асфальте людей, то ли потерявших сознание стараниями этой четверки, то ли убитых ими. Один из мужчин споткнулся о чью-то вытянутую ногу и упал на колени. Более молодая женщина тут же подскочила к нему. Стоявший на коленях мужчина что-то поднял с асфальта, рядом с верхней ступенькой (Клай нисколько не удивился, увидев, что это мобильник), и ударил женщину по лицу. Мобильник разбился, вспоров женщине щеку, кровь полилась на плечо светлого пиджака, но в ее крике ярость преобладала над болью. Она схватилась за уши стоящего на коленях мужчины, как за ручки кувшина, прыгнула на него, целя коленями в нижнюю часть живота, и толкнула назад, в сумрак лестницы, ведущей на станцию «Т». Они исчезли из виду, сцепленные вместе и извиваясь, словно трахающиеся кошки.

– Пошли, – прошептал Том, со странной деликатностью ухватив Клая за рубашку. – Пошли. На другую сторону улицы. Пошли.

Клай позволил перевести себя через Бойлстон-стрит. То ли Том Маккорт,

смотрел, куда они идут, предположил Клай, то ли был везунчиком, но до противоположной стороны улицы они добрались целыми и невредимыми. Вновь остановились перед витриной магазина «Колониальные книги» («Лучшие из старинных, лучшие из новых»), наблюдая, как неожиданная победительница битвы при станции «Т» широкими шагами направилась в парк, в сторону горящего самолета. Кровь капала на воротник с кончиков жидких седых волос. Впрочем, Клай не удивился, что из всех четверых на ногах осталась только женщина, выглядевшая библиотекарем или учительницей латинского языка, которой оставался год или два до получения золотых часов[20]. Он провел с подобными дамами достаточно много времени, чтобы знать: взять верх над теми, кто продолжал учить и в таком возрасте, не представлялось возможным.

Он открыл рот, чтобы поделиться этой мыслью с Томом, как ему представлялось, мыслью остроумной, но из горла вырвался то ли всхлип, то ли хрип. А зрение у него подозрительно затуманилось. Вероятно Том Маккорт, коротышка в твидовом костюме, был не единственным, у кого возникли проблемы со слезными железами. Клай провел рукой по глазам, вновь попытался что-то сказать, но произнести что-либо, кроме хрипов и всхлипов, не удавалось.

– Все нормально, – заверил его Том. – Поплачь.

Что Клай и сделал, стоя перед витриной магазина, набитого старинными книгами, окружающими пишущую машинку «Ройял», реликтом тех времен, когда эра сотовой связи была еще далеким будущим. Он оплакивал женщину во «властном костюме», оплакивал фею Светлую и фею Темную, оплакивал себя, потому что Бостон не был его домом, а сам он еще никогда не находился так далеко от дома.

6

За Коммон Бойлстон-стрит сузилась, а автомобили, разбитые и брошенные, забили ее до такой степени, что они уже могли не бояться лимузинов-камикадзе или нарушающих правила дорожного движения «уток». Хотя это радовало. Со всех сторон громыхало, трещало, ревело, словно они угодили на празднование Нового Года в ад. Звуки эти доносились как издалека, так раздавались и в непосредственной близости, скажем, были автомобильные и охранные сигнализации, но сама улица в этот момент была на удивление пустынна. «Спрячьтесь где-нибудь, – посоветовал им патрульный Ульрик Эшленд. – Один раз вам повезло. В следующий может не повезти».

Но в двух кварталах к востоку и все еще в квартале от отеля (не совсем клоповника) Клая, им таки снова повезло. Еще один безумец, на этот раз молодой человек лет двадцати пяти, с накаченными стероидами мышцами, выскочил из проулка прямо перед ними и помчался на другую сторону улицы, перепрыгивая через бамперы столкнувшихся автомобилей, а из его рта непрерывным потоком изливались никому не ведомые слова. В каждой руке он держал по автомобильной антенне и протыкал ими воздух, словно кинжалами, готовый вонзить их в любого, кто встретился бы ему на пути. Бежал он абсолютно голым, за исключением новеньких кроссовок «Найк» с ярко-красными фирменными нашивками. Член мотался из стороны в сторону, как маятник в дедушкиных напольных часах. Он добрался до противоположного тротуара и взял курс на запад, к Коммон, его ягодицы сжимались и разжимались в фантастическом ритме.

Том Маккорт уцепился за руку Клая и сжимал ее, пока безумец не убежал, а потом медленно ослабил хватку.

– Если бы он увидел нас... – начал он.

– Да, – согласился Клай, – но не увидел, – его вдруг охватила какая-то нелепая радость. Он знал, что это чувство пройдет, но пока предпочитал наслаждаться им. Он чувствовал себя, как человек, который только что сорвал банк.

– Мне жалко тех, кого он увидит, – вздохнул Том.

– Мне жалко тех, кто увидит его, – ответил Клай. – Пошли.

7

Отель «Атлантик-авеню инн» встретил их запертыми дверями.

Клай так удивился, что какие-то мгновения мог только стоять, вновь и вновь пытаясь повернуть ручку и чувствуя, как она скользит в его руке, пытаясь осознать, что произошло: дверь заперта. Дверь его отеля, заперта и не желает открываться.

Том встал рядом, прижался лбом к тонированному стеклу, призванному отсекал яркий солнечный свет, прищурился, стараясь разглядеть, что вестибюль. С севера, определенно из Логана, донесся еще один чудовищный взрыв, но на этот раз Клай только поморщился. А Том Маккорт не отреагировал вовсе. Тома куда больше интересовало то, что он смог разглядеть внутри.

– Мертвый мужчина на полу, – наконец, объявил он. – В униформе, но староват для коридорного.

– Мне не нужен человек, чтобы нести мой гребаный багаж, – фыркнул Клай. – Я просто хочу подняться в свой номер.

Том издал какой-то странный звук. Клай подумал, что коротышка вновь плачет, но потом понял, что тот давится от смеха.

В вестибюль вели двойные двери с большими стеклянными панелями. На одной панели красовалась правдивая надпись: «АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН», на другой – откровенно лживая: «ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА». Том принялся стучать ладонью по левой стеклянной панели, между надписью «ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА» и рядом изображений карточек кредитных систем, которые принимали в отеле.

Теперь и Клай приник лбом к стеклу. Вестибюль размерами не поражал. Слева находилась регистрационная стойка, справа – два лифта. Пол устилал красный ковер. Старик в униформе лежал на нем, лицом вниз, с одной ногой на диване, а зад ему прикрывал взятая в рамку репродукция,

отпечатанная компанией «Каррье-и-Ивс»: плывущий по синему морю парусник.

Хорошее настроение Клая улетучилось, как дым, а когда Том начал барабанить по стеклянной панели кулаком, прекратив стучать ладонью, перехватил его руку.

– Не усердствуй. Они не собираются нас пускать, даже если живы и в здравом уме, – он обдумал собственные слова, кивнул. – Особенно, если в здравом уме.

Том в изумлении уставился на него.

– Ты так ничего и не понял, да?

– Что? Чего не понял?

– Времена переменялись. Они не могут нас не пустить, – он вырвал руку из пальцев Клая, но барабанить не стал, вновь прижался лбом к стеклу и закричал (Клай подумал, что для такого коротышки голос у него очень даже крикливый): «Эй! Эй, кто-нибудь!»

Ему не ответили. В вестибюле ничего не изменилось. Старик-коридорный по-прежнему лежал мертвым с картиной на задку.

– Эй, если вы здесь, вам лучше открыть дверь! Мужчина, который со мной, оплатил номер в этом отеле, а я – его гость. Откройте, а не то я возьму бордюрный камень и разобью стекло! Слышите меня?

– Бордюрный камень? – Клая разобрал смех. – Ты сказал, бордюрный камень? Это круто, – он смеялся все громче. Ничего не мог с собой поделать. А потом краем глаза уловил движение слева. Повернул голову и увидел девушку-подростка, которая стояла чуть дальше по улице. Смотрела синими глазами загнанного зверька. На ней было белое платье с большим пятном крови на груди. Кровь также запеклась у нее под носом, на губах, подбородке. Других ран, помимо разбитого носа, вроде бы не было, и выглядела она не безумной, только потрясенной. Потрясенной чуть ли не до смерти.

– С тобой все в порядке? – спросил Клай. Шагнул к ней, и они синхронно

отступила на шаг. С учетом сложившихся обстоятельств, винить в этом он ее не мог. Он остановился, но поднял руку, совсем, как регулировщик: «Не двигаться с места!»

Том огляделся, вновь забарабанил кулаком по стеклу, да так сильно, что оно задребезжало в деревянной раме, а отражение Тома затряслось.

– Последний шанс, потом мы войдем сами!

Клай повернулся к нему, чтобы сказать, что словами тут никого не проймешь, особенно в такой день, когда над регистрационной стойкой начала медленно подниматься лысая голова. Клай узнал голову еще до того, как появилось лицо. Она принадлежала портье, который вчера зарегистрировал его в отеле и поставил печать на пропуске на автомобильную стоянку, расположенную в квартале от «Атлантик-авеню инн». Тот же клерк утром объяснил ему, как пройти к отелю «Копли-сквер».

Портье никак не хотелось выходить из-за стойки, но Клай приложил к стеклу ключ от номера, вместе с зеленой пластиковой биркой отеля. Другой рукой поднял портфель, в надежде, что портье сможет его узнать.

Может, он и узнал. А скорее, решил, что выбора у него нет. В любом случае, он вышел из-за стойки и быстрым шагом направился к двери, обходя тело по широкой дуге. И Клай Ридделл признал, что впервые в жизни видит стремительное действие, совершаемое с крайней неохотой. Когда портье добрался до двери, он перевел взгляд с Клая на Тома, потом вновь посмотрел на Клая. И пусть, судя по выражению лица, увиденное его не успокоило, достал из кармана связку ключей, быстро перебрал, нашел нужный и вставил в замочную скважину. Когда Том потянулся к ручке, лысый портье поднял руку, точно так же, как поднимал ее Клай, обращаясь к окровавленной девушке, которая стояла неподалеку. Портье нашел второй ключ, открыл им другой замок, а потом и дверь.

– Заходите, – сказал он. Быстро, – и тут увидел девушку, которая держалась в отдалении, но внимательно наблюдала за происходящим. – Без нее.

– С ней, – возразил Клай. – Заходи, сладенькая.

Но девушка не зашла. А когда Клай шагнул к ней, развернулась и убежала,

с развевающимся за спиной подолом платья.

8

– Ее там могут убить, – озаботился Клай.

– Не моя проблема, – портье пожал плечами. – Так вы заходите, мистер Риддл или нет? – говорил он с бостонским выговором, а не с рабочим с примесью Юга, более привычным Клаю по штату Мэн, где каждый третий встреченный вами человек был выходцем из Массачусетса, но суетливо заявлял, что хотел бы быть выходцем из Британии.

– Я – Ридделл, – он собирался войти, все так, и этот лысый не смог бы оставить его на улице, раз уж открыл дверь, но на какой-то время Клай задержался на тротуаре, глядя вслед девушке.

– Пошли, – раздался рядом спокойный голос Тома. – Ничего не поделаешь.

И он был прав. Ничего они поделать не могли. В этом-то и был ужас. Следом за Томом он прошел в вестибюль, а портье тут же запер двойные двери отеля «Атлантик-авеню инн» на два замка, словно замки эти могли уберечь их от хаоса на улицах.

9

– Это Франклин, – портье вел их в обход мужчины в униформе, который лежал на полу лицом вниз.

«Староват для коридорного», – сказал Том, всматриваясь в вестибюль сквозь тонированное стекло, и Клай подумал, что так оно и есть. Убитый был невысокого росточка, с роскошными седыми волосами. К несчастью для Франклина, голову, на которой волосы, вероятно, еще росли (волосы и ногти не сразу понимали, что человек уже умер, что-то такое он где-то читал) развернуло под очень уж большим углом к телу, как голову повешенного.

– Он проработал в отеле тридцать пять лет и, я уверен, говорил об этом каждому нашему гостю, которого провожал в номер. Большинству из них дважды.

Бостонский выговор действовал Клаю на нервы. Он подумал, будь это пердеж, так напоминал бы звуки, которые выдумает на горне ребенок, страдающий астмой.

– Какой-то мужчина вышел из лифта, – продолжил портье, заходя за стойку. Возвращаясь туда, где чувствовал себя, как дома. Свет висевшей над стойкой лампы осветил его лицо, и Клай увидел, что портье бледен, как мел. – Один из психов. Франклина не повезло. Стоял перед этими дверями.

– Полагаю, вам не пришла в голову мысль, что нужно хотя бы убрать картину с его зада, – Клай наклонился, поднял репродукцию «Каррье-и-Ивса», положил на диван. Одновременно легким движением скинул ногу Франклина с дивана, где она нашла свой покой. Нога упала со звуком, который Клай знал очень хорошо. Звук этот в огромном большинстве комиксов обозначался словом: «БАХ!»

– Мужчина, который вышел из лифта, врезал ему только раз. Бедного Франклина швырнуло в стену. Думаю, тогда он и сломал шею. Во всяком случае, о стену Франклин ударился с такой силой, что картина слетела с

крючков.

Портье полагал, что это самый верный критерий силы удара.

– А мужчина, который ударил его? – спросил Том. – Псих? Куда он пошел?

– На улицу, – ответил портье. – Вот когда я почувствовал, что запереть дверь будет самым мудрым решением. После того, как он вышел на улицу, – в его взгляде читались страх и зудящее, жадное любопытство, которое Клай нашел особенно мерзким. – Что там происходит? Насколько все плохо?

– Думаю, вы достаточно ясно все себе представляете, – ответил Клай. – Не потому ли вы заперли дверь?

– Да, но...

– А что говорят по телевизору? – спросил Том.

– Ничего. Кабельное вырубилось... – портье посмотрел на часы. – Примерно полчаса тому назад.

– А радио?

Портье пренебрежительно глянул на него, как бы говоря: «Вы, должно быть, шутите!» Клай подумал, что этому парню пора братья за книгу «КАК ВЕСТИ СЕБЯ, ЧТОБЫ СРАЗУ НЕ ПОНРАВИТЬСЯ ЛЮДЯМ».

– Радио, здесь? В любом отеле в центре города? Вы, должно быть, шутите.

С улицы донесся пронзительный вопль страха. Девушка-подросток в испачканном кровью белом платье появилась у двери и принялась стучать по стеклу ладонью, одновременно оглядываясь. Клай поспешил к ней.

– Нет, он опять запер дверь, помнишь? – крикнул ему Том.

Клай не помнил. Повернулся к портье.

– Отоприте.

– Нет, – портье скрестил руки на тощей груди, чтобы показать, что он

решительно против предложенного варианта. Снаружи девочка в белом платье оглянулась вновь и застучала еще сильнее. На вымазанном кровью лице отражался ужас.

Клай вытащил из-за пояса мясницкий тесак. Он практически забыл о нем, и даже удивился, сколь быстро, без малейшего напряжения, вспомнил.

– Открывай дверь, сукин сын, – сказал он портю, – а не то я перережу тебе горло.

10

– Нет времени! – закричал Том и схватил один из стульев с высокой спинкой, новодела, имитирующего стиль мебели эпохи королевы Анны^[21], которые стояли по обе стороны дивана. Побежал с ним к двери, выставив вперед ножки.

Девушка увидела его и отпрянула, подняв обе руки, чтобы прикрыть лицо. В это самое мгновение мужчина, который преследовал ее, появился перед дверью. Судя по внешнему виду, здоровенный рабочий-строитель с выпирающим, обтянутым желтой футболкой брюхом и сальными, тронутыми сединой волосами, забранными на затылке в конский хвост.

Ножки стула вошли в контакт со стеклянными панелями двери. Две левые разнесли панель с надписью «АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН», две правые не оставили буквы на букве от «ЛУЧШЕГО ОТЕЛЯ БОСТОНА». Правые ножки врезались в мускулистое, обтянутое желтым плечо строителя, когда тот схватил девушку за шею. Дном стул уперся в деревянную перемычку между панелями, и Маккорта отбросило назад.

Строитель вопил, нес уже привычную Клаю и Тому галиматью на никому неведомом языке, кровь потекла по левому бицепсу. Девушке удалось вырваться, но она зацепилась ногой за ногу и упала, частично на тротуар, частично – в сливную канаву, крича от боли и страха.

Клай оказался около одной из разбитых панелей. Как пересек вестибюль, не помнил вовсе, и у него осталось лишь самое смутное воспоминание о том, как отбрасывал стул.

– Эй, недоносок, – крикнул он, и безмерно обрадовался тому, что строитель на мгновение закрыл рот и застыл. – Да, ты! – кричал Клай. – Я обращаюсь к тебе, – а потом добавил, потому что не мог придумать ничего другого. – Я трахал твою мамашу, а она подмахивала, как бешеная.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)